

КРОШКА

ПОВЕСТЬ

ОРХАН КЕМАЛЬ

Рис. И. Блиоха

Известный современный турецкий прозаик Орхан Кемаль родился в 1914 году в городке Джейхан на юго-востоке Турции. На своем опыте изучил он жизнь маленьких людей города и деревни, и этой теме посвящено в основном его творчество.

Орхан Кемаль беспощадно обнажает пороки капиталистического строя, говорит о безвыходности положения простого человека, раздавленного и смятого «сильными мира сего». Писатель глубоко встревожен тлетворным влиянием буржуазной морали на молодежь Турции.

Повесть «Крошка» — одна из последних книг Орхана Кемаль. Она вышла в свет в 1960 году. Действие повести разворачивается в Стамбуле в наши дни.

Перевел с турецкого В. Никифоров

И эта партия в пишти¹ была проиграна! Во влажном полумраке кофейни раздалось грязное, в аллаха и коран, ругательство. Хозяин кофейни, который мыл чайные стаканчики, стрелой отскочил от печки и возмущенно завопил: «Какая скотина тут ругается?» Эрол знал, что хозяин кофейни не терпит сквернословия. Знал, однако проиграть за три дня подряд, один за другим, тридцать шесть стаканчиков чая...

— Ну, какой тут пес ругается?

— Да будет тебе, Хасан-ага-бей, — вступился Алтындиш. — Нечаянно вырвалось...

— Нечаянно, говоришь? У тебя что ли?

Голубоглазый блондин Эрол виновато улыбнулся. На лбу у него вдруг выступили капельки пота.

— Отвечай, тебе говорят!

¹ Пишти — род азартной карточной игры. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Культура
литература
искусство

— Извини, ага-бей, это я. Нечаянно... — серьезно ответил Эрол.

Хозяин кофейни, остроносый, с закатанными по локоть рукавами, с маленькими черными глазами, выпаливавший беглым огнем все, что ему приходило на ум, наотмашь ударил парня по носу.

— Выметайся отсюда, пес. И не приходи больше в мою кофейню!

Прикрыв рукой окровавленный нос, Эрол встал и поплелся к выходу. Он знал, что Хасан-ага-бей не раз сидел в тюрьме, немало дрался и был бит. Он знал и то, что Хасан занимался темными делишками: скупал краденое, торговал из-под полы гашишем, опиумом и другими наркотиками и сам от них не отказывался, однако он был набожен. Гнев Хасана, когда в его кофейне ругали аллаха, был столь же сильным, как злость, вспыхивавшая в нем, когда кто-нибудь приставал к его жене.

Когда Эрол уже выходил из кофейни, на его плечо опустилась рука Хасана.

— Куда?

Заикаясь, Эрол ответил:

— Ты сказал — уходи, Хасан-бей, вот я и ухожу.

— А чай, который ты выпил, тебе здесь даром дают что ли?

— Как можно, Хасан-бей...

— Выкладывай деньги!

Стоило ли ждать помощи от Алтындиша и остальных? Эрол заглянул в лицо каждому. Дружья оставались невозмутимы.

— Ну, ну, выкладывай!

Влажными глазами Эрол посмотрел на хозяина кофейни. Вот так же много лет назад смотрел он на отца, когда тот еще был жив и, случалось, колотил его поленом за побеги из школы.

Хасан-бей сразу все понял.

— Значит, нет у тебя денег! И ты пришел сюда, прощелыга?

Сжав зубы и насупившись, Эрол ответил:

— Завтра принесу.

— Возьмешь за горло свою бедную мать, а?

— Ну что ты, нет.

Алтындиш и другие, посмеиваясь, наблюдали всю эту сцену. Будь у них деньги, может быть, они и заплатили бы за Эрола, но денег не было и у них. К тому же зачем надо было марать аллаха грязной руганью? Не знал что ли парень, что с Хасан-беем шутки плохи?

Толпой вышли из кофейни.

На землю опустился голубой вечер. Прохладный вечер, когда фонари на углах сияют особенно ярко. Из радиолы кинотеатра, стоявшего за парком, рвалась музыка. Возле него прогуливались девушки в кофточках кимоно. Играли в ковбоев босоногие ребяташки квартала. Надвигалась ночь...

Эрол сунул руку в карман за сигаретой — пусто. Сигарет тоже не было. Да проклянет все это аллах! В конце концов надо распутать это дело с

деньгами. Завтра он пойдет в клуб и скажет: «Даете сотню?» Если не дадут, тогда он пойдет в команду «Атешспор» и там договорится играть за пятьдесят. И целую неделю или даже дней десять, а если расходовать экономно, то и весь месяц будет с деньгами.

— А ну-ка дайте закурить!

Не глядя взял протянутую сигарету. Прикурил от спички Алтындиша. Пустяки все это. Подумаешь, выругался, нагрубил. Ударили, выгнали, ну и что?

Словно прочитав его мысли, Алтындиш процедил:

— Забудь про это.

— И так молчал, не перечил, потому что он старший, — пожаловался Эрол, — а он еще бьет.

— Где ты к завтраму достанешь денег? У крошки Айтен что ли?

В самом деле, об этой возможности Эрол совсем не подумал. Чем надеяться на полсотни лир из «Атешспора», лучше взять денег у Айтена. Он заплатит долг, а потом получит сто лир от своего клуба. Левый полузащитник Эрол играл что надо. Позволил ли он хоть на шаг прорваться правому нападающему «Атешспора» в матче на прошлой неделе? Разве не сказал капитан: «Да здравствует Эрол!», когда он сильным ударом вывел этого парня из строя?

Эрол вдруг заметил, что идет вдоль гнилого дощатого забора, за которым стоит дом Айтена. Он вошел во двор через открытую калитку. Толстая тетка Айтен, которая шила мешки на разработках соли в Тахмисе², стояла на коленях возле жаровни и помешивала ложкой какое-то варево, бурлившее в кастрюле.

² Тахмис — местечко под Стамбулом.

— Где Айтен? — сердито спросил Эрол.

— Не знаю, сказала, что идет в кино.

Кончиком ложки тетка подцепила из банки кусочек маргарина «Вита» и сунула ложку в кипящую кастрюлю. Варево забурлило сильнее.

— Зачем тебе она?

— Нужно.

— Что делает мать? Как ее почки, все болят?

— Почему я знаю!

Эрол резко стряхнул пепел с зажатым между пальцами сигареты.

— В кино пошла, значит?

— Кто ее знает — может, в кино или в парк, а может быть, просто так шатается.

Показав спину бурлившей кастрюле, Эрол вышел со двора. Найти бы девушку, вот было бы хорошо. Если в кино пошла — значит, у нее есть деньги. А если есть деньги... Много не нужно, лир пять или десять. Рассчитался бы с Хасан-беем, а там можно и подождать, пока клуб заплатит.

Алтындиш и остальные рассматривали афиши летнего кинотеатра, расклеенные под огромным фонарем. Шла какая-то новая скучная картина про любовь. То ли дело ковбойские фильмы с драками и стрельбой...

Увидев Эрола, друзья сообщили:

— Твоя только сейчас мимо прошла!

— Кто, Айтен? А с кем?

— С какой-то старухой.

— Со старухой? Куда они пошли?

— К парку.

Эрол быстро зашагал прочь.

Из парка тянуло терпким запахом влажной земли, политой под вечер сторожем. Радиола, наполнявшая вечерний воздух хриплыми дребезжащими звуками, веселила людей, которые пришли насладиться прохладой под звездным небом. В желтом мутном свете уличного фонаря на углу, у полуразвалившегося, но выкрашенного в розовый цвет дома, в подвале которого находилась пекарня, мелькала яркими огоньками сигарет медлительная толпа: девушки в широких юбках и молодые люди с черными кашне на шее.

Напрасно искал Эрол свою возлюбленную. Прежде чем отбросить щелчком докуренную сигарету, он хотел прикурить от нее новую, но...

II

Под бледными звездами тихо лежало кроткое море. Они сидели между просоленными рыбацкими сетями, бухтами мокрых канатов и лодками, наполовину вытасканными на влажный песок. Соглашаясь с тем, что ей говорила сейчас старуха хриплым, скрипучим голосом, девушка не собиралась отказаться от мысли стать настоящей, законной женой Эрола. Саднило щеки — лицо вчерашнего мужчины было покрыто жесткой щетиной. Однако он хорошо заплатил. Айтен знала, что если ходить к нему каждый день, то каждый раз она будет получать щедрую плату. Если бы не Эрол...

Той зимней ночью, когда валил пушистый снег и они просидели в сарае почти до утра, Эрол сказал ей: «Не беспокойся. Я пришлю свою мать и засватаю тебя. Как бы то ни было, разве ты не моя?» Она верила Эролу. Он пришлет свою мать, и они поженятся. А если поженятся, как будет хорошо! Ее тетка работает, мать Эрола тоже работает в Тахтакале³. Они с Эролом тоже устроятся на работу и будут жить все вместе, пойдут дети...

³ Тахтакале — район в Стамбуле.

Заподозрив, что девушка колеблется, старуха прервала ее раздумья:

— Что, может быть, в кого-нибудь влюблена?

Айтен задумчиво и нежно улыбнулась.

— Оставь это, — быстро заговорила старуха, — ты молодая, красивая, стоит ли быть в наше время рабой одного мужчины? Мясо на рынке за десять лир не найдешь, а фасоль, а рис, обувь, одежда? К тому же что толку любить одного? Любимый и останется любимым. Он ничего и знать не будет. Ты как прямая дорога — что по тебе одна машина пройдет, что тысяча. Вот у меня — прошли годы, а что осталось от того, чем обладаешь ты?.. Торговец орехами любит тебя, из-за него я и пришла. А то бы...

Чьи-то шаги зашуршали по песку, и старуха замолкла. Помахивая огоньками сигарет, мимо проплыли две тени.

— ...А то бы я и шагу не сделала, ей-богу. А что, эта давешняя пожилая женщина, мать твоя?

— Тетя.

— А матери нет?

— Нет ни матери, ни отца.

— Значит, тетка? Даже не мать. Я на твоём месте общипала бы, как гуся, этого торговца орехами. Деньги у него тоннами. Видела тогда его кассу? Брось глупить да садись-ка чай пить. В своё время и я была такая же, как ты. Столько их за мной бегало, вот как песчинок вокруг, однако я...

— Ты что, тоже кого-нибудь любила?

— Я тоже, как и ты, была слишком наивна. А конец-то мой, вот он. Сейчас занимаюсь сводничеством. Больше-то жить нечем...

Старуха затагнулась сигаретным дымом.

— Много у меня клиентов было, справа и слева брала, горстями несла тому сукину сыну. Не то, что твой, — он у меня словно цветочек ходил. Кормила его... А он брал у меня деньги да тратил их на свою потаскуху.

У Айтен защемило в груди.

— У моего, кроме меня, никого нет!

— Я тоже так думала.

— Ей-богу нет, знаю, что нет.

— Сегодня нет — может быть, нет — а завтра...

— Что?

— Нет, да однажды появится.

— Ну и пусть...

— А что будешь делать?

Хотела ответить: «Покончу с собой», — но не смогла. Подняла голову, задумчиво посмотрела вдаль. Там, вдалеке, плыла рыбацкая лодка, мерцая огоньком карбидного фонаря, подвешенного на носу.

— Ничего и не сделаешь. Как безумная, будешь плакать день, другой... А потом привыкнешь. Значит, завтра после обеда, к трём часам. Не забудь!

Айтен поправила сбившиеся волосы. Хотя и саднило щеки после жесткой щетины этого типа, да зато хорошо платит. Эрол об этом ещё ничего не знал. Узнает — наверняка изувечит. А если и не изувечит, то даст оплеуху и уйдёт, не простит во вся-

ком случае. Да и какой мужчина мог бы простить такое? Не смог бы, конечно, хотя что убавилось от того, что она раз-другой за деньги позволила сделать этому небритому то же самое, что бесплатно делала с Эролом много раз, делала всегда? Правду сказала старуха: ты — как дорога, то ли одна машина пройдет, то ли тысяча — все равно. А платит он щедро.

— Любимый твой, — заскрипела старуха, — ничего и не пронюхает. Когда ты отдавала тетке деньги, она что сказала?

— Ничего, обрадовалась...

— Не спросила, где взяла?

— Для моей тети главное — были бы деньги...

— Конечно. Умная баба, сразу видно.

Встали. Кино на открытой площадке, должно быть, уже началось. В темно-синюю ночь, опустившуюся на кварталы предместья, грубо врывались страстные и напыщенные диалоги любовного фильма.

У ворот парка, когда старуха уже собралась расстаться с Айтен, перед ними вырос Эрол.

— Где ты болтаешься?

— Сидели вот с тетей Пакизе на берегу моря, — и девушка протянула руку старухе. — Ты извини, тетя Пакизе...

— Ну, ну, пожалуйста, детка.

Старуха ушла.

Айтен держала Эрала за руку. Повела его снова туда, где только что сидела со старухой между рыбацкими сетями и мокрыми канатами. Лодка с карбидным фонарем возвращалась с моря.

— Что это за бабка?

Айтен села рядом, прижалась к парню.

— Так себе, просто знакомая. Подруга моей тетки.

— А ты причём?

— Я так просто.

- Деньги есть?
- Есть.
- Давай.
- Сколько?
- Сколько у тебя есть?

Айтен чуть не назвала всю сумму, полученную два дня назад от торговца орехами.

- Десять лир.
- Давай. Завтра, а может быть, послезавтра, получу из клуба сотню.
- Хорошо, бери.

Слегка заглубившись от спортивных тренировок пальцами Эрол удивительно быстро сложил бумажку в несколько раз, сунул в карман брюк.

Девушка обеими руками обхватила мускулистую сильную руку парня, прижалась к ней щекой. Словно кошка, ласково, вкрадчиво спросила:

- Когда прилешь меня сватать?

— Вот получу сто лир, и мы плохо ли, хорошо ли, но что-нибудь придумаем. А то сразу — «когда засватаешь?» Засватать легко. А потом? Поженимся, а жить на что будем?

Девушка прилегла на колени к Эролу. Он обнял ее за талию.

Айтен вздрогнула.

— А что, разве это трудно — заработать на жизнь?

- Конечно, трудно.
- Я тоже буду работать.
- Где?
- Где-нибудь.

— Уж не среди ли мужчин? Смотри, перестань болтать о работе, я тебе покажу!

Айтен полулежа обхватила руками крепкую шею парня, приподнялась, жадно припала губами к его губам. Потом слегка отстранилась:

— Почему ты меня ревнуешь ко всем мужчинам?

Не дождавшись ответа, снова поцеловала и тихо проговорила:

— Навсегда бы вот так и остаться, губы в губы, обнявшись. А? Ты не хочешь? Почему не отвечаешь? Или, может...

- Что «может»?
- Кроме меня, другая...
- Отдернув руки, девушка резко выпрямилась:
- Говори же, может быть, другая есть?
- Парень глубоко вздохнул.
- Нет, милая...
- А что?
- Да этот Хасан-бей...
- Хозяин кофейни?
- Чуть-чуть я ему стекла не перебил, да...
- Почему? Что случилось, Эрол?

Эрол с подробностями рассказал все, что произошло. Сейчас он пойдет, швырнет деньги Хасану в физиономию, и уж, конечно, ноги его больше не будет в этой кофейне.

Айтен, крепко прижавшись к нему, запричитала:

- Эрол, Эрочик, миленький...
- Ну что ты?
- Обо мне подумай!
- Чего это я должен о тебе думать?
- Не дерись.
- А подерусь, что будет?
- Посадят тебя в тюрьму!
- Посадят — так посадят. Что я, испугавшись тюрьмы, должен гнуть шею перед этим псом? Может ли мужчина стерпеть такое? Сама разве не будешь смеяться?

— А если тебя посадят, что я буду делать?

Парень, выпрямившись, смотрел куда-то вдаль,

словно забыв о девушке, что прижалась к его груди. Там, вдалеке, среди тьмы, по-прежнему мерцал огонек карбидного фонаря.

- Эрол!.. Эрол, ты что, не слышишь?
- Чего тебе?

— Обними меня!

Обнял. Затем медленно, привычным движением, словно бы нехотя, повалил девушку на спину, поверг горько-соленых сетей и канатов...

Когда поднялись, мерцавший вдали огонек был совсем уже незаметен. Айтен оправила юбку. Эрол быстро пригладил грязной расческой взлохмаченную шевелюру.

- Пошли что ли.
- Ты всегда меня будешь любить, правда?
- Всегда.
- Дай слово, что ты потихоньку от меня не будешь любить другую!

— Ну хватит, брось выдумывать...

— А если полюбишь — пусть тебя поразит слепота!

— Согласен.

...Прежде чем расстаться у забора, возле дома, где она жила, девушка снова сказала:

— Смотри, не дерись с Хасан-беем!

Эрол ничего не ответил. Айтен настаивала:

— Ведь не будешь, да? Даешь слово, что не будешь драться с Хасан-беем, правда? Почему ты молчишь? Если... Если, Эрол, ты подерешься, тогда я решу жизнь! Ты обещаешь мне?

Эрол не смотрел на девушку. Он вспомнил своего похожего на петуха обидчика с засученными по локоть рукавами и рыжей копной волос. Очнувшись, проговорил:

- Не буду, не бойся.
- Отнеси деньги, отдай по-хорошему.
- Ну ладно, ладно, хватит тебе!

Девушка открыла калитку, вошла во двор. Остановившись, долго-долго смотрела влажными глазами вслед своему любимому. Вот если сейчас он пойдет и швырнет деньги в лицо этому мерзавцу? А тот вдруг вытащит нож и ударит Эрала? А если сам Эрол не позволит вытащить нож да отделает хозяина кофейни? И его поведут в полицейский участок, а оттуда в тюрьму?

Придя в кофейню, Эрол застал там Алтындиша и всех остальных. Они по-прежнему играли в пишти. Навстречу ему, как обычно с засученными рукавами, вышел Хасан-бей.

— Ты опять явился, голубчик? Разве я тебя сегодня не выгонял из моей кофейни?

Вытащив из кармана сложенную во много раз десятку, Эрол смиренно протянул ее Хасану.

— Я принес долг, ага-бей.

Хозяин кофейни сразу смягчился и даже пожалел стоявшего перед ним широкоплечего молодца, крепкого, высокого, с голубыми глазами и копной вьющихся русых волос.

Удержав шесть лир шестьдесят пять курушей за тридцать восемь стаканчиков чая — из расчета семнадцать с половиной курушей за стаканчик — и отдавая сдачу, Хасан проговорил:

— Смотри, ведь ты же орел-парень. Нельзя ли нам сделать так, чтобы ты не ругал аллаха и не сердил меня? Чего ради мы будем терзать друг друга в этом суетном мире, а?

И резко отрубил, будто приказал жалко ссутулившемуся Эролу:

— Иди к своим друзьям!

(Продолжение следует)